

Г. А. Николаев

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань

«АЛГЕБРА И ГАРМОНИЯ» ПОЭЗИИ ЛОМОНОСОВА

Сальери. <...> Поверил
Я алгеброй гармонию. Тогда
Уже дерзнул, в науке искушенный,
Предаться неге творческой мечты.

А. С. Пушкин. Моцарт и Сальери

В истории русской культуры вклад М. В. Ломоносова, филолога, гуманитария, на мой взгляд, несколько занижен по сравнению с его достижениями в области естественных наук. Он больше известен народу как ученый, открывший закон сохранения веса вещества, атмосферу на Венере и др. В то же время он сделал приоритетные открытия в области филологии: написал первую российскую грамматику и дал русскому народу прекрасную систему стихосложения, детально разработав теоретически и воплотив в практике своего поэтического творчества ритмику, строфику и другие элементы русской версификации (в том числе подготовил появление и «онегинской строфы» Пушкина [Марков 1967: 135–158]).

Многие открытия Ломоносова-естественника сейчас уже не сохраняют своей остро научной значимости: они превратились в аксиомы, а аксиомы не цитируют в научных исследованиях. Естественнонаучные достижения Ломоносова упоминаются только в работах по истории науки, другими словами, они теперь являются тоже частью общей русской культуры. Не преуменьшая значения Ломоносова-естествоиспытателя, я хочу сказать: то, что сделал Ломоносов в естественных науках, мог сделать тот или иной крупный европейский ученый — Ломоносов сделал это раньше. Но то, что сделал он в филологии, мог сделать только он. Я не боюсь утверждать, что система стихосложения, разработанная кем-то иным, не Ломоносовым, а, например, Тредиаковским, была бы иной системой стихосложения. И кто знает, кем бы был Пушкин (и был ли бы он вообще), если бы он пользовался другой

системой версификации? Гуманитарные научные идеи несут в себе личностные черты их автора. Фактически Ломоносов подарил русскому народу современную и совершеннейшую систему стихосложения, полностью отвечающую строю русского языка. В этом его подвиг напоминает подвиг славянских первоучителей Кирилла и Мефодия, подаривших славянским народам первый литературно-письменный язык. Кстати, и их «изобретения» тоже несут личностный характер: если бы составителем славянской азбуки был кто-то другой, то и азбука была бы другой [Николаев 2012: 46–47].

Высоко оценил вклад М. В. Ломоносова в историю русской литературы В. Г. Белинский:

Ломоносов был первым основателем русской поэзии и первым поэтом Руси (...) Язык его чист и благороден, слог точен и силен, стих исполнен блеска и парения (...) До Державина Ломоносову не было никаких соперников. [Белинский 1948 III: 182].

Словесная формула «алгебра и гармония», восходящая к А. С. Пушкину, применима именно к поэзии Ломоносова: ведь он был реформатором системы русского стихосложения и дал поэзии основные законы версификации («алгебра» поэзии); но он был и тем, кто первым испытал на практике свое изобретение, он был поэтом-практиком (дав образцы «гармонии» поэзии). Формула «алгебра и гармония» применительно к ломоносовской поэзии представляет своего рода оппозицию ее составляющих, содержанием которой является соотношение поэтических установок Ломоносова и реальных результатов его творчества. Это соотношение не было однозначным в поэтическом языке произведений, отнесенных Ломоносовым к разным стилистическим сферам («штилям»). Особенно это касается языка высокой поэзии.

Исследователи, затрагивавшие эту проблему, отмечали определенные несоответствия конкретных творческих результатов Ломоносова-поэта рекомендациям Ломоносова-ученого. Эти несоответствия касались не техники (и правил) стихосложения, а тех языковых норм, которые он установил для того или иного рода поэзии на основании разработанной им теории «трех штилей». Согласно требованиям этой теории наиболее «чистым» в языковом отношении оказывается высокий поэтический слог, складывающийся из славянских речений и речений, общих в русском и церковнославянском языках.

Из скупых замечаний, рассеянных в филологических трудах («Российской грамматике», Материалам к «Российской грамматике», «О пользе книг церковных» и др.) можно создать представление о тех требованиях, которые предъявлял Ломоносов к высокому слогу. Вот наиболее известные из этих требований:

1. Стремление «к точному выговору букв» (*съ шумом, изъ шерсти* и т. п.; ср. с произношением в «обыкновенных разговорах»: *ишшумомъ, иишерсти* и т. п.).

2. Предпочтительное употребление окончания *-а* в родительном падеже единственного числа имен существительных мужского рода вместо *-у* в разговорном языке: *трепета, вида* и *виду* и т. п.

3. Предпочтительное употребление окончания *-ѣ* в предложном падеже единственного числа вместо *-у* в разговорном языке: *въ домѣ, въ свѣтѣ* и т. п. — *въ свѣту*.

4. Синтетические формы превосходной степени вместо аналитических в разговорном языке: *сквернейший* — *самой скверной* и т. п.

5. Употребление деепричастий на *-а(-я)* вместо деепричастий на *-учи* в разговорном языке.

6. Причастные формы и конструкции.

Ломоносов преимущественно выдерживал установленные им рекомендации. Однако нередки и нарушения этих рекомендаций в его творчестве. Наблюдается два типа нарушений: 1) «гармония» выходит «из повиновения» «алгебры» (например, употребление форм род. п. ед. ч. на *-у* в высоком стиле) и 2) «алгебра» диктует свои требования «гармонии», вплоть до разрушения последней (*licentia poëtica*).

Я не буду подробно рассматривать многочисленные случаи отражения в орфографии одического языка живого произношения ассимилируемых форм, ограничившись несколькими примерами:

- (1) *До самых Вилманстрандских рвов Без щету топчет тех голов.* (Первые трофеи. 1741). [Лом. 1952 VIII: 48].
- (2) *Твой веры полной ум умножит щастье в нас.* (Венчанная надежда. 1742). [Лом. 1952 VIII: 72].

1. Наиболее примечательными являются нарушения — употребление разговорного окончания -у в высоком одическом языке:

- (3) *От реву лес и брег дрожит.* (Ода на взятие Хотина. 1739). [Лом. 1952 VIII: 19].
- (4) *Где нет ни правил, ни закону, Премудрость тамо зиждет храм!* (Ода на день восшествия на престол Елизаветы Петровны. 1747). [Лом. 1952 VIII: 205].
- (5) *От блеску днѣвнаго светила Он мрачный отверащает взор.* (Ода на день восшествия на престол Елизаветы Петровны. 1747). [Лом. 1952 VIII: 206].

То же в его поздних одах:

- (6) *Но враг такого после вреду Еще дерзает против нас.* (Ода. 1759). [Лом. 1952 VIII: 652].
- (7) *Среди торжественнаго звуку О ревности моей уверь.* (Ода. 1763). [Лом. 1952 VIII: 789].
- (8) *И гневу Росскаго страишь.* (Ода. 1763). [Лом. 1952 VIII: 798].

Ломоносов был первым русским грамматистом, давшим правильное истолкование распространения флексии -у в род. п. ед. ч. слов муж. рода и стилистическую интерпретацию этих форм [Марков 1974: 51]: «*Происшедшие от глаголов (курсив мой. — Г. Н.) употребительнее имеют в родительном -у и тем больше оное принимают, чем далее от славенского отходят, а славенские, в разговорах мало употребляемые, лучше удерживают -а: размахъ, размаху; чес, чесу; взглядъ, взгляду; визгъ, визгу; грузъ, грузу; попрекъ, попреку; перенось, переносу; возрастъ, возрасту и возраста; видъ, виду и вида; трепеть, трепета*» [Лом. 1952 VII: 457]. Несоответствие конкретных творческих результатов Ломоносова-поэта языковым рекомендациям Ломоносова-ученого здесь, как и в других случаях, отразило диалектическое противоречие языка как феномена, постоянно функционирующего и при этом постоянно развивающегося (фактически диалектики статики и динамики языка), осложненное в данном случае определенной оппозицией славяно-

книжного и народно-разговорного истоков русского литературного языка.

2. М. В. Ломоносов наиболее полно по сравнению со своими современниками и предшественниками отразил вариативную основу стилистических категорий. Базой этих вариантов в поэтическом языке служили не только «славенские» и «русские» варианты слов и форм, но и разносложные варианты и синонимы слов и форм одного стилистического типа. Такие разносложные (фонетические) варианты несут в поэтическом языке в основном версификационную обусловленность и отражают возможности варьирования формальной стороны стихотворного языка. Пределом такого варьирования являются «поэтические вольности» (*licentia poetica*), то есть нарушения принятых норм литературного языка в поэтической речи в версификационных целях.

Мастерски использовал М. В. Ломоносов, например, разносложные варианты одной морфемы (суффиксы *-ский* и *-еский*, *-ство* и *-ество*): *пригожство* (вместо *пригожество*), *роскошествовать* (вместо *роскошествовать*); ср. также:

(9) *Хотя велика толь **Монаришка** власть Твоя, Но видим, правишь как самую Ты Себя.* (Венчанная надежда. 1742). [Лом. 1952 VIII: 72].

(10) *Твой просвещенный ум соединен с раденьем, Как скипетр сопряжен с **Монаришеским** владеньем.* (Ода. 1758). [Лом. 1952 VIII: 644] и др.

Наиболее интересным представляется использование в поэзии разносложных словообразовательных синонимов, например, синонимов с суффиксами *-ство* и *-ствие*:

(11) *В довольстве спеет труд, **довольствие** в труде, Взаимно друг другу способствуя везде.* (Надпись. 1753). [Лом. 1952 VIII: 529].

Особого разговора заслуживают разносложные варианты имен существительных на *-ие* и *-ье*, поскольку здесь сталкиваются чисто версификационные и стилистические моменты. Известно, что эти варианты восходят к разным реализациям так называемых напряженных редуцированных: вариант *-ие* имеет южнославянское происхождение, а *-ье* — восточнославянское. По теории трех «штилей» в одическом языке надлежало бы

использовать первый вариант. Ломоносов использует в языке высокой поэзии оба варианта, применяя их в чисто версификационных целях:

- (12) *Исполнил Бог свои советы С желанием Елисаветы.* (Ода. 1745). [Лом. 1952 VIII: 128].
- (13) *Надежда долго в тишине С желаньем на Тебя взирала.* (Поздравление 1741). [Лом. 1952 VIII: 56].

Если рассматривать соотношение этих вариантов в аспекте «алгебры» и «гармонии» поэзии, то следует признать, что в данном случае предпочтение отдается «алгебре» стихосложения. Это хорошо просматривается при сравнении поэтического языка Ломоносова с языком его высокой прозы, где постоянно употребляются варианты на *-ие*. Именно в поэтическом языке первой половины XVIII века получили широкое распространение эти формы на *-ье*, более удобные как ритмическое средство, чем их параллели на *-ие*. В дальнейшем эти формы проникнут и в те прозаические жанры, которые первоначально избегали употребления имен на *-ье*. «Таким образом, в данном случае стихотворная речь как бы резко опережает прозаическую на пути формирования будущей нормы» [Марков 2001: 155].

Иную предназначенность в поэтическом языке Ломоносова имеют равносложные варианты. Их использование связано здесь с семантикой стиха. Большой семантической наполненностью характеризуется использование таких форм, как *колена* и *колени*.

По происхождению форма *колена* представляет закономерное множественное число от слова среднего рода *колени*; форма *колени* — это несколько трансформированная форма бывшего в древнерусском языке двойственного числа. В поэзии М. В. Ломоносова эти формы строго семантически дифференцированы: они как бы сохраняют прежние семантические отношения, и форма *колена* употребляется тогда, когда речь идет о множестве (т. е. более двух числом):

- (14) *Восток и льдистый Океан свои колена преклоняют.* Ода. 1746. [Лом. 1952 VIII: 140].
- (15) *Москва едина, на колена Упав, перед Тобой стоит.* [Лом. 1952 VIII: 224].

В данном случае мы, естественно, имеем метонимический перенос (люди Москвы) и соответствующую форму исконного множественного числа). Ср.:

- (16) *Забыли что вы так щитать, Что десять Русских Швед
прогонит? Пред нами что колени клонит Хвастлив толь
нашей славы тать?* [Лом. 1952 VIII: 50],

где речь идет об одном человеке (о чем говорит оппозиция 'один — десять', хотя и здесь присутствует обобщение), а потому употребляется исконная форма двойственного числа.

Ломоносов четко выдерживает эти различия в значениях двух рассмотренных форм. Его современники в этом отношении были менее последовательны. Возможно, здесь тоже сказалась образованность автора первой российской грамматики, и он сознательно придерживается указанных разграничений.

А. П. Сумароков в 28 случаях употребляет форму *колени* применительно к одному человеку и только один раз в плюральном значении. В других случаях в им. п. мн. ч. поэт употребляет форму *колена*.

Такие же семантические разграничения мы находим у М. Хераскова. Но особенно интересны показания языка Н. М. Карамзина. Нами отмечено в двухтомнике его сочинений 40 случаев употребления формы *колени* (35 раз в применении к одному человеку и лишь в пяти случаях во мн. ч.) и 17 случаев употребления формы *колена* (из них 11 раз в значении мн. ч.). Случайно это или нет, но в языке реформаторов языка (Ломоносова, Сумарокова, Карамзина) четко прослеживается предпочтение применять эти формы в зависимости от числовой семантики. У других писателей этого периода таких строгих разграничений нет. Так, язык произведений Д. И. Фонвизина, Г. Р. Державина, Н. И. Новикова, А. Н. Радищева и др. не дает нам оснований видеть в этих формах какие-либо различия.

Писатели и поэты начала XIX века продолжают использовать обе формы. В их языке эти формы чаще используются в стилистических целях: форма *колени* становится обыденной формой, в то же время форма *колена* чаще выступает в текстах высокого стиля. Этому способствует использование ее в устойчивом сочетании с книжным глаголом *преклонить*. Ср.:

(17) *У гроба матери, колена преклонив.* (Пушк.)

Или:

(18) *Но колен моих пред вами Преклонить я не посмел.* (Пушк.)

(19) *Колена всех преклонены.* (Блок).

В XIX веке вариативные формы *колена* — *колени* используют И. А. Гончаров, Л. Н. Толстой, Ф. М. Достоевский, А. К. Толстой, Ф. И. Тютчев и др. Стилистическая маркированность формы *колена* особенно просматривается в современном ее употреблении (БАС¹ квалифицирует ее как устаревшую), в условиях, когда нормативной стала форма *колени* [БАС¹ 5: 1146–1147].

Ориентация ученого на прежние словоформы, исконные в древнерусском языке, но замененные к XVIII веку (вернее, значительно раньше) другими, проявляется и в использовании им словоформ род. п. мн. ч. имен среднего рода типа *морь, поль* (на месте *морей, полей*). В это время они были уже архаизмами, поэтому, согласно выдвинутым Ломоносовым требованиям высокого стиля, они «законно» применяются в одическом языке, пополняя арсенал форм *licentia poetica*.

Сказанное позволяет заключить, что то или иное решение поставленных вопросов базируется не только на объективных языковых процессах того времени, но и на особенностях художественной системы М. В. Ломоносова, не только подарившего русскому народу новую систему стихосложения, но и оставившего образцы истинно поэтического языка.

Литература

- Марков 1967 — В. М. Марков. Ломоносов и русская строфика // Очерки по истории русского языка и литературы XVIII века (Ломоносовские чтения) / Отв. ред. В. М. Марков. Вып. I. Казань: Изд-во КГУ. 1967. С. 135–159.
- Николаев 2012 — Г. А. Николаев. Духовные оды М. В. Ломоносова (к 300-летию со дня рождения ученого и поэта) // Православный собеседник: Альманах Казанской Духовной Семинарии / Ред. Филарет (Кузьмин), иеромонах. Вып. 2 (22). Казань: Казан. Духов. Семинария. 2012. С. 46–53.

- Белинский 1948 — Сочинения Александра Пушкина. Статья первая
// В. Г. Белинский. Собрание сочинений: В 3-х т. / Ред. Ф. М. Гол-
ловенченко. Т. III. М.: ГИХЛ. 1948. С. 172–204.
- Лом. 1952 — М. В. Ломоносов. Полное собрание сочинений. Т. VIII.
М.–Л.: АН СССР. 1952.
- Марков 1974 — В. М. Марков. Историческая грамматика русского
языка. Именное склонение. М.: Высшая школа. 1974.
- Марков 2001 — В. М. Марков. Избранные работы по русскому языку
/ Отв. ред. Г. А. Николаев. Казань: Изд-во ДАС. 2001.

Словари

- БАС¹ — Словарь современного русского литературного языка. Т. 1–17.
М.–Л.: АН СССР (Т. 1–15), Наука (Т. 16–17). 1948–1965.